MASTER
NEGATIVE
NO. 91-80318-5

MICROFILMED 1992

COLUMBIA UNIVERSITY LIBRARIES/NEW YORK

as part of the
"Foundations of Western Civilization Preservation Project"

Funded by the
NATIONAL ENDOWMENT FOR THE HUMANITIES

Reproductions may not be made without permission from
Columbia University Library

COPYRIGHT STATEMENT

The copyright law of the United States -- Title 17, United States Code -- concerns the making of photocopies or other reproductions of copyrighted material...

Columbia University Library reserves the right to refuse to accept a copy order if, in its judgement, fulfillment of the order would involve violation of the copyright law.

AUTHOR:

TSERETELI, G. F.

TITLE:

NOVOOTKRYTAIA KOMEDIIA MENANDRA

PLACE:

S.L.

DATE:

Master Negative #

91-80318-5

COLUMBIA UNIVERSITY LIBRARIES
PRESERVATION DEPARTMENT

BIBLIOGRAPHIC MICROFORM TARGET

Original Material as Filmed - Existing Bibliographic Record

88M52
DS

TSereteli, Grigorii Filimonovich, 1870- tr.

Menander, of Athens. (Epitrepontes. Russian. TSereteli.)
Новооткрытая комедія Менандра
p. (385)-426. 23cm.

Caption title.
From "Журн. Мин. народнаго просвѣщенія", октябрь, 1908 г.
Volume of pamphlets.

Restrictions on Use:

TECHNICAL MICROFORM DATA

FILM SIZE: 35mm REDUCTION RATIO: 11
IMAGE PLACEMENT: IA (IIA) IB IIB
DATE FILMED: 1-9 INITIALS M.B.
FILMED BY: RESEARCH PUBLICATIONS, INC WOODBRIDGE, CT

AIIM

Association for Information and Image Management
1100 Wayne Avenue, Suite 1100
Silver Spring, Maryland 20910
301/587-8202

Centimeter

Inches

MANUFACTURED TO AIIM STANDARDS
BY APPLIED IMAGE, INC.

НОВООТКРЫТАЯ КОМЕДІЯ МЕНАНДРА

ΕΠΙΤΡΕΠΟΝΤΕΣ.

Въ Римѣ, въ Латеранскомъ музеѣ, среди другихъ скульптурныхъ сокровищъ, хранится, между прочимъ, одинъ очень интересный памятникъ, останавливающій на себѣ вниманіе какъ тонкостью своей работы, такъ и оригинальностью своего содержанія. Это—маленькій рельефъ, изображающій комическаго поэта, предъ которымъ, на нѣкоторомъ отъ него разстояніи, стоитъ его вдохновительница Муза [1]).

Поэтъ держитъ въ рукѣ маску молодого человѣка, тогда какъ двѣ другихъ маски, одна—дѣвушки, другая—старика, лежатъ передъ нимъ на столѣ. Его глаза устремлены на Музу, и въ ней какъ будто черпаетъ онъ свое вдохновеніе, чтобы излить его потомъ на тотъ папирусный свитокъ, который лежитъ развернутымъ на пультѣ, стоящемъ за столомъ съ масками.

Лицо поэта носитъ на себѣ отпечатокъ полнаго отрѣшенія отъ всего, что дѣлается вокругъ; поэтъ ушелъ въ самого себя, онъ видитъ только одну Музу и съ ней одной онъ только и бесѣдуетъ.

Таково содержаніе нашего рельефа, содержаніе, удивительно хорошо гармонирующее съ тонкостью выдѣлки, благодаря чему основная мысль художника представить поэта въ минуту творчества находитъ себѣ полное выраженіе въ мраморѣ и дѣлаетъ нашъ маленькій памятникъ удивительно краснорѣчивымъ и въ своемъ родѣ единственнымъ. Но если, согласно указанію Амелунга [2]), мы сравнимъ съ изображеніемъ поэта на рельефѣ тотъ мраморный бюстъ, который хранится въ Ватиканѣ, въ Museo Chiaramonti, и который изображаетъ собой Менандра, то рельефъ получитъ еще большее значеніе, ибо

[1]) См. *Amelung*, Die Antikensammlungen, 345 сл. (=Moderner Cicerone: Rom I. Antike Kunst).

[2]) о. с., 346.

поэтъ, въ немъ выведенный, идентиченъ чертами своего лица съ вышеупомянутымъ бюстомъ.

Итакъ, въ Латеранскомъ рельефѣ мы имѣли портретъ Менандра, но намъ не доставало еще такого же папируснаго свитка, какой изображенъ лежащимъ на пультѣ. Судьба и въ данномъ случаѣ оказалась къ намъ милостивой!

Нѣдра Египта, которыя и раньше выносили на свѣтъ разныя, считавшіяся утерянными, сокровища греческой литературы, еще разъ вскрылись и одарили насъ новымъ памятникомъ, а именно, папирусным кодексомъ Менандра. Этотъ кодексъ или, вѣрнѣе, остатки кодекса, въ числѣ 17 листовъ, былъ найденъ въ 1905 г. французомъ Лефебромъ на мѣстѣ древняго Афродитополя, въ селеніи Kôm Ichkaou, среди развалинъ дома византійской эпохи, и въ настоящее время уже сдѣлался достояніемъ науки, благодаря быстрой публикаціи Лефебра, за которой, помимо массы разныхъ статей и рецензій, успѣли послѣдовать и другія изданія [1]).

Несмотря на то, что до насъ дошелъ не весь кодексъ, а лишь его малая часть, мы все-таки располагаемъ теперь въ общей сложности болѣе, чѣмъ *тысячью* новыхъ стиховъ Менандра и, что̀ еще важнѣе, состояніе текста таково, что мы, по большей части, совершенно ясно можемъ видѣть, какъ развивается дѣйствіе той или другой комедіи, какъ постепенно вырисовываются характеры и типы дѣйствующихъ лицъ, какъ и съ какой стороны подходитъ поэтъ къ изображенію нравовъ, обычаевъ и жизни своего времени.

Однимъ словомъ, новая находка совсѣмъ не похожа на извѣстные до сихъ поръ отрывки Менандра: несмотря на всѣ свои дефекты она все-таки показываетъ намъ *новую* комедію въ ея приблизительно цѣльномъ видѣ, благодаря чему открываетъ цѣлый рядъ интересныхъ вопросовъ и проблемъ, о постановкѣ и рѣшеніи которыхъ мы еще недавно не смѣли и думать. Только теперь, съ открытіемъ Менандровскаго кодекса, начинается новая эра для исторіи „*новой*“ комедіи и только теперь получаемъ мы въ свои руки вѣрную путеводную нить для разсужденій о самомъ поэтѣ и о томъ жанрѣ, въ которомъ онъ работалъ.

Какъ я уже говорилъ выше, число новооткрытыхъ стиховъ нѣсколько превышаетъ тысячу, причемъ стихи эти приходятся не на

[1]) *Gustave Lefebvre*, Fragments d'un manuscrit de Ménandre, Le Caire 1907. *I. van Leeuwen*, Menandri quatuor fabularum Herois, Disceptantium, Circumtonsae, Samiae fragmenta nuper reperta. Lugduni Batavorum 1908.

одну комедію, но распредѣляются между четырьмя пьесами, а именно: Ἥρως, Ἐπιτρέποντες, Περικειρομένη и Σαμία. Всего больше пострадала первая пьеса. Отъ нея сохранился только краткій ὑπόθεσις, списокъ дѣйствующихъ лицъ въ порядкѣ ихъ выхода на сцену и первые 50 стиховъ вступительной сцены, въ которой набрасывалась общая канва и давались первыя необходимыя для зрителя указанія. Все остальное пропало. Такимъ образомъ, съ количественной точки зрѣнія комедія Ἥρως значительно уступаетъ тремъ другимъ пьесамъ и въ особенности второй—Ἐπιτρέποντες.

Но несмотря на это она въ высшей степени цѣнна для насъ по двумъ причинамъ: во-первыхъ, съ ея помощью можно, повидимому, рѣшить нѣсколько чисто формальныхъ вопросовъ, касающихся структурной стороны Менандровскихъ пьесъ [1]), а во-вторыхъ, она поднимаетъ одинъ очень любопытный историко-литературный вопросъ, на которомъ я позволю себѣ нѣсколько остановиться.

Вступительная сцена открывается разговоромъ между двумя рабами, Гетой и Давомъ. Хотя отъ этого разговора сохранилось всего-на-всего 50 стиховъ, тѣмъ не менѣе, оба дѣйствующихъ лица очерчены удивительно тонко и настолько выпукло, что оба они стоятъ передъ нами точно живыя со всѣми присущими имъ индивидуальными черточками. Давъ — это типъ мечтателя, типъ человѣка, котораго интересуютъ не только матеріальные вопросы, но и вопросы сердечнаго свойства, причемъ подъ давленіемъ послѣднихъ онъ можетъ забыть и дѣйствительно забываетъ обо всемъ остальномъ. Наоборотъ, Гета—настоящій рабъ, пронырливый, хитрый, не чуждый грубости, не понимающій того, что заходитъ за рамки подневольной жизни, а если и понимающій, то лишь односторонне, въ матеріальномъ смыслѣ. Для него на первомъ планѣ стоитъ выгода и только, но зато въ немъ чувствуется ловкость, сила и смекалка, чего у Дава нѣтъ и въ поминѣ. Поэтому Давъ возбуждаетъ въ Гетѣ легкое презрѣніе, какъ человѣкъ непутящій, изъ котораго не можетъ выйти никакого толка, и Гета все время смѣется надъ нимъ то открыто, то подъ сурдинку.

Сопоставленіе такихъ типовъ, само по себѣ очень интересное, станетъ еще болѣе интереснымъ, если мы наведемъ о немъ справку у одного изъ поэтовъ Александрійскаго періода, а именно, у Ѳеокрита. Я предложилъ бы сравнить съ указанной мной сценой изъ Ἥρως X-ую идиллію Ѳеокрита, гдѣ выступаютъ Букей и Милонъ. Въ ней мы

[1]) См. *Leo*, Der neue Menander, 126—127 (=*Hermes*, 13).

видимъ тоже съ одной стороны—человѣка, проводящаго время въ мечтахъ о возлюбленной, съ другой—практика, которому чуждо и смѣшно все, что отрываетъ отъ работы и выгоды. Но помимо общности ситуаціи, даже отдѣльныя выраженія у Ѳеокрита сильно напоминаютъ Менандровскія, въ виду чего я готовъ утверждать, что Ѳеокритъ въ X-ой идилліи подражалъ нашего комику или, по крайней мѣрѣ, внесъ въ свое стихотвореніе невольную реминисценцію изъ пьесы послѣдняго,—фактъ очень характерный для Александрійской поэзіи вообще и для буколической—въ частности [1]).

Я оставляю въ сторонѣ третью и четвертую комедію, а именно, Περικειρομένη и Σαμία, такъ какъ каждая изъ нихъ требуетъ подробнаго и детальнаго разбора, что не входитъ въ рамки настоящей статьи, цѣль которой—дать нѣкоторое представленіе хотя бы объ одной изъ новооткрытыхъ пьесъ. Для этой цѣли я выбралъ комедію Ἐπιτρέποντες, которая сохранилась всего лучше и текстъ которой въ виду сравнительно хорошаго состоянія папируса всего легче поддается переводу. Сверхъ того, браться за Περικειρομένη — безспорно самую интересную пьесу сборника—я не рѣшаюсь потому, что сперва должны быть провѣрены по подлиннику чтенія Лефебра, которыя во многихъ мѣстахъ возбуждаютъ во мнѣ сомнѣнія въ своей правильности. Что же касается до Σαμία, то при сложности интриги этой пьесы и при меньшемъ по сравненію съ Ἐπιτρέποντες количеству сохранившихся стиховъ переводъ этой комедіи можетъ дать менѣе ясное представленіе объ искусствѣ Менандра какъ въ развитіи дѣйствія, такъ и въ очеркѣ характеровъ.

Вотъ тѣ соображенія, въ силу которыхъ я остановилъ свой выборъ на Ἐπιτρέποντες, на пьесѣ, переводъ которой съ прибавкой нѣкоторыхъ необходимыхъ для пониманія разъясненій я и предлагаю читателямъ.

Папирусный листъ, открывающій собой пьесу Ἐπιτρέποντες, не есть первый листъ, на которомъ находилось начало комедіи. Это начало утрачено, и мы, такимъ образомъ, вводимся прямо въ середину дѣйствія или, вѣрнѣе, въ тотъ моментъ послѣдняго, который и служитъ завязкой для всего дальнѣйшаго.

[1]) На подобный же фактъ указываетъ Лео по поводу Ἐπιτρέποντες (о. с. 129, прим.).

По замѣчанію Лефебра [1]), не достаетъ одного листа, т. е. двухъ страницъ. Но если это такъ, то по аналогіи съ началомъ комедіи Ἥρως, которое сохранилось, мы можемъ разсчитать приблизительно, сколько стиховъ не достаетъ. Оказывается, что пропалъ ὑπόθεσις, списокъ дѣйствующихъ лицъ и, наконецъ, около 50 стиховъ текста, служившаго такой же вводной сценой, какую мы видимъ въ „Ἥρως“.

Спрашивается теперь, нельзя ли на основаніи извѣстныхъ раньше отрывковъ нашей комедіи возстановить съ приблизительной точностью содержаніе утраченной вводной части? Что она должна была заключать въ себѣ нѣкоторыя данныя, необходимыя для пониманія дальнѣйшаго, само собой понятно. Менандръ, какъ это видно изъ сохранившейся части комедіи, путемъ постепеннаго вплетенія деталей мало-по-малу достигалъ того, что картина, имъ набрасываемая, развертывалась во всю ширину, причемъ каждый мазокъ былъ такъ разсчитанъ, что необходимо вносилъ какое-нибудь уясненіе для читателя.

Изъ раньше извѣстныхъ намъ отрывковъ комедіи прежде всего обращаетъ на себя вниманіе fr. 600 Kock.

А. Онисимъ, правда ли, что баринъ твой, недавно
Женившійся, себѣ арфистку раздобылъ,
Габротононъ, и съ ней живетъ?—В. Да, это—вѣрно!

Что эти слова могли стоять въ началѣ пьесы, вполнѣ вѣроятно. Они вполнѣ подходятъ къ тому, чтобы открывать дѣйствіе, а фактъ, ими сообщаемый, сразу скидываетъ завѣсу съ жизни тѣхъ лицъ, которыя будутъ играть въ комедіи важную роль. Изъ этихъ словъ мы узнаемъ, что между молодыми супругами, слугой которыхъ является *Онисимъ*, не все обстоитъ благополучно и что неурядица, имѣющая мѣсто въ семьѣ, сдѣлалась уже предметомъ глухихъ толковъ и пересудъ.

Тотъ, кто обращается къ Онисиму съ вопросомъ, повидимому, незнакомъ еще со всѣми подробностями этой неурядицы. Онъ, надо думать, человѣкъ пришлый, которому любопытно толкомъ поразузнать обо всемъ, чтобы затѣмъ вволю посплетничать. Но кто же этотъ человѣкъ, распрашивающій Онисима? Лео въ своей прекрасной статьѣ „Der neue Menander“ [2]) предполагаетъ и, кажется, не безъ основанія, что лицо, задающее вопросы, ни кто иной, какъ поваръ, котораго Они-

[1]) О. с., 25, пр. 2.
[2]) *Hermes*, 43. 130.

симъ только что привелъ съ рынка. Вполнѣ кстати Лео сопоставляетъ съ fr. 600 Kock другой фрагментъ изъ тѣхъ же Ἐπιτρέποντες, находящійся въ „Лексиконѣ“ Фотія [1]):

А про обѣдъ забылъ? Эхъ, снова бродитъ онъ
Безъ дѣла, зря!

а также указываетъ на стихъ 165, гдѣ снова идетъ рѣчь о томъ же поварѣ, по милости котораго обѣдъ состоялся гораздо позже, чѣмъ обыкновенно. Надо думать, что нанятый Онисимомъ поваръ вмѣсто того, чтобы заниматься дѣломъ, предпочиталъ наводить у Онисима разныя справки насчетъ семейной хроники того дома, куда онъ попалъ, что̀ вызывало окрики Онисима [2]) и отвѣтныя шуточки повара вродѣ той, которая заключается въ fr. 178 Kock, — быть можетъ, отвѣтѣ повара на слова Онисима:

Къ копченой рыбкѣ
Подсыпалъ соли я, коль ужъ на то пошло!

Между этимъ поваромъ и Онисимомъ, слугой Харисія, находящагося не въ ладахъ со своей женой Памфилой, и происходилъ, повидимому, разговоръ, открывавшій собой комедію. Разговоръ этотъ, надо думать, носилъ шутливый характеръ и, вѣроятно, къ нему именно и относятся слова Аоиней (XIV, 659 d): μάλιστα γὰρ εἰσάγονται οἱ μάγειροι σκωπτικοί τινες, ὡς παρὰ Μενάνδρῳ ἐν Ἐπιτρέποντιν.

Какъ бы то ни было, изъ разговора Онисима съ поваромъ слушатели врядъ ли узнавали многое насчетъ причины несогласій между Харисіемъ и его женой. Вѣрнѣе, что въ разговорѣ давались только первые отдаленные намеки. Въ дальнѣйшую же фазу дѣйствіе вступало только съ появленіемъ на сценѣ новаго персонажа, которымъ, какъ думаетъ Лео (o. c., 131), былъ Смикринъ, тесть Харисія.

Съ Смикриномъ мы встрѣчаемся въ самомъ началѣ сохранившейся части комедіи, гдѣ онъ играетъ важную для себя роль третейскаго судьи. Но надо думать, что онъ выступалъ уже раньше, ибо въ противномъ случаѣ для зрителей было бы неясно, съ кѣмъ они имѣютъ дѣло: вѣдь рабы, споромъ которыхъ начинается пьеса въ своемъ настоящемъ видѣ и которые выбираютъ Смикрина третейскимъ судьей, ни разу не называютъ его по имени, а обращаются къ нему со словами βέλτιστε и πάτερ. Отсюда ясно, что Смикринъ былъ для зрителей

[1]) *Reitzenstein*. Der Anfang des Lexicons des Photios, p. 83, s. v. ἄλος.
[2]) Ср. также fr. 175 Kock.

уже знакомымъ лицомъ, раньше выступавшимъ передъ ними. Но въ такомъ случаѣ единственная сцена, въ которой онъ могъ выступать, должна была идти непосредственнно вслѣдъ за разговоромъ Онисима и повара.

Возможно, что Смикринъ сразу обрушивался на обоихъ собесѣдниковъ и, вѣроятно, имъ обоимъ порядкомъ доставалось отъ старика, который, какъ онъ охарактеризованъ въ пьесѣ, не принадлежалъ къ числу людей мягкихъ и покладистыхъ.

Внѣ всякаго сомнѣнія, выступленіемъ Смикрина Менандръ пользовался для того, чтобы дать дѣйствію дальнѣйшій толчокъ и чтобы выяснить общую ситуацію, до сихъ поръ все еще не вполнѣ ясную. Изъ словъ Смикрина слушатели могли узнать новыя подробности, которыя въ дальнѣйшемъ ходѣ пьесы рисуются уже какъ нѣчто извѣстное: они могли узнать, что Харисій, заподозрѣвъ свою жену въ невѣрности, отослалъ ее назадъ къ ея отцу, что онъ открыто живетъ съ флейтисткой Габротононъ, что онъ ведетъ распутный образъ жизни и безумно тратитъ какъ свои деньги, такъ и приданое своей жены,—фактъ, который особенно не по душѣ скупому Смикрину.

Все это дѣлалось теперь извѣстнымъ для зрителей, которые получали, такимъ образомъ, рядъ цѣнныхъ указаній, необходимыхъ для уясненія дальнѣйшаго, хотя многое все-таки оставалось для нихъ пока тайной, равно какъ тайной было оно и для самого Смикрина. Смикринъ тоже не зналъ въ точности той причины, которая послужила основнымъ толчкомъ къ распрѣ между супругами. Объ этомъ знали другія лица, а именно, отчасти—Онисимъ, отчасти—нянька (?) Памфилы, Софрона, не говоря уже о самомъ Харисіи и его женѣ. Но въ чемъ же заключалась эта причина? Она заключалась въ слѣдующемъ.

Незадолго до своей женитьбы Харисій въ пьяномъ видѣ, не сознавая, что̀ онъ дѣлаетъ, вломился на ночное бдѣніе женщинъ, имѣвшее мѣсто во время праздника Тавропоній, и тамъ изнасиловалъ Памфилу, которой онъ не зналъ раньше и лица которой онъ не запомнилъ. Единственной уликой противъ Харисія былъ перстень, который упалъ съ его руки и который былъ поднятъ и взятъ Памфилой.

Но Памфила тоже не успѣла разглядѣть того человѣка, жертвой котораго она сдѣлалась, и ей оставалось одно: скрыть отъ отца то, что съ ней случилось. О несчастіи Памфилы знали только ея няня, Софрона, да флейтистка Габротононъ, тоже бывшая на праздникѣ.

Спустя нѣкоторое время Памфила, не зная, что она выходитъ за-

мужъ за человѣка, ее изнасиловавшаго, вышла замужъ за Харисія, который, надо думать, вскорѣ послѣ свадьбы уѣхалъ [1]). Тѣмъ временемъ Памфила родила мальчика, который и былъ, съ вѣдома Софроны (ср. стихъ 366—367), а, можетъ быть, и ею лично, брошенъ въ лѣсу. Но это не укрылось отъ Онисима, который, по возвращеніи своего барина, передалъ ему обо всемъ происшедшемъ (ср. стихи 207—208), и результатомъ всего было то, что взбѣшенный Харисій отослалъ свою жену къ тестю, а самъ въ вихрѣ разгульной жизни пытался заглушить свое горе, ибо, въ сущности, онъ продолжалъ любить свою жену и тяготился разлукой съ ней.

Но эта тайная причина семейной неурядицы пока еще скрыта отъ зрителей, если не думать только, что кое-какіе просвѣты были сдѣланы либо Онисимомъ, либо Смикриномъ.

Какъ бы то ни было, утраченная вводная сцена, въ которой впервые выступали Онисимъ и Смикринъ, кончалась тѣмъ, что Онисимъ вмѣстѣ съ поваромъ удалялись въ домъ Харисія, а Смикринъ, произнеся еще нѣсколько заключительныхъ стиховъ, готовился идти въ городъ, вѣроятно, въ Аѳины, если предположить, что дѣйствіе происходитъ въ одномъ изъ пригородовъ, напримѣръ, въ Пиреѣ [2]).

Этимъ кончалось *первое* явленіе перваго акта, явленіе, за которымъ слѣдуетъ новое, уже сохраненное папирусомъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

[*На сцену, которая представляетъ собой городскую улицу (?), стоящъ недалеко отъ своего дома Смикринъ: онъ въ задумчивости и кажется разстроеннымъ. Сильно жестикулируя, на сцену вбѣгаютъ Давъ и Сирискъ, за которыми слѣдуетъ жена Сириска, съ ребенкомъ на рукахъ*].

Сирискъ (продолжая начатый споръ).

Нарушилъ право ты!

[1]) Ср. приблизительно такую же ситуацію въ Несуга Теренція, на что указываетъ *Лефебръ* (o. c. 31 sqq.). Тамъ тоже молодой человѣкъ женится на изнасилованной имъ дѣвушкѣ и тоже немедленно послѣ свадьбы уѣзжаетъ, не зная ни того, на комъ онъ женился, ни того, что взятая имъ въ жены дѣвушка беременна.

[2]) Возможно, впрочемъ, что дѣйствіе происходило въ деревнѣ, за городомъ. Это, пожалуй, будетъ даже естественнѣе и проще.

Давъ.

Ну, это врешь, бездѣльникъ!

Сирискъ.

Чужимъ добромъ владѣть не слѣдъ тебѣ!

Давъ.

Пускай
Насъ разберетъ судья.

Сирискъ.

Не прочь и я судиться! (оглядываясь по сторонамъ).
Но у кого?

Давъ.

По мнѣ годится всякъ, терплю
Я по заслугамъ. Эхъ, къ чему я съ нимъ дѣлился? 5

Сирискъ (замѣчая Смикрина).

Возьмемъ его судьей.

Давъ (равнодушно).

Что-жъ въ добрый часъ.

Сирискъ (обращаясь къ Смикрину).

Отецъ,
Минуточку одну ты удѣлить намъ можешь?

Смикринъ (мрачно).

Минутку, вамъ? Зачѣмъ?

Сирискъ (вкрадчиво).

Да, видишь ли, мы споримъ.

Смикринъ.

Мнѣ дѣла нѣтъ до васъ!

Сирискъ.

Судью себѣ мы ищемъ.

Третейскаго. Такъ вотъ, коли угодно будетъ,
Ты разсуди насъ.

Смикринъ (гнѣвно).

Дрянь, ахъ чтобъ вамъ пусто было!
Туда же,—судятся, а на плечахъ лохмотья
Звѣриныхъ шкуръ!

Сирискъ (вкрадчиво, но настойчиво).

А всё-жъ—дѣлишко сущій вздоръ
И трудности въ немъ нѣтъ!—ты разсуди насъ, отче.
Ну, ради всѣхъ боговъ, ты снизойди до насъ!
Вездѣ, всегда должна владычествовать правда,
И каждый встрѣчный, вѣрь, пещись о ней обязанъ,
Поскольку хватитъ силъ. Таковъ ужъ нашъ удѣлъ!

Давъ (въ сторону).

Онъ—мастеръ говорить! Къ чему я съ нимъ дѣлился?

Смикринъ (заинтересованный).

Мой приговоръ блюсти согласны вы?

Сирискъ.

Согласны.

Смикринъ.

Ну, что-жъ, послушаемъ. Не къ спѣху мнѣ (обращаясь къ Даву).
Сначала
Ты будешь говорить, ты, что молчишь упорно.

Давъ.

Я издали начну,—я разскажу не только
Про свару съ нимъ,—о нѣтъ, я выясню всё толкомъ.
Въ кустарникѣ густомъ, рукой подать отсюда,
Я пасъ свои стада, тому назадъ дней тридцать,
Не больше,—я одинъ, и вотъ нашелъ случайно
Ребенка малаго: онъ тамъ подкинутъ былъ,
При немъ лежалъ браслетъ и разныя вещички,
Дрянцо.

Сирискъ.

Объ нихъ и споръ!

Давъ.

Мѣшаетъ говорить.

Смикринъ (обращаясь къ Сириску).

Коль перебьешь еще, вотъ этой самой палкой
Я по тебѣ пройдусь.

Давъ.

И по дѣломъ!

Смикринъ (обращаясь къ Даву).

Ну, дальше.

Давъ.

Ребенка поднялъ я, принесъ къ себѣ домой,
Хотѣлъ воспитывать: такъ я рѣшилъ сначала.
Но за̀ ночь мысль пришла—со всѣми такъ бываетъ—
И сталъ я про себя иное говорить:
„Къ лицу ли мнѣ дитя? Ну, мнѣ ли съ нимъ возиться?
Гдѣ деньги на прокормъ? Къ чему заботы мнѣ?“
Такъ думая, съ зарей я снова выгналъ стадо,
А тутъ пришелъ Сирискъ (онъ угольщикъ) себѣ
Дровъ напилить: мы съ нимъ друзьями раньше были,
Любили поболтать. Ну, увидавъ, что я
Смотрю задумчиво, онъ и скажи: „что̀, Давъ,
Повѣсилъ голову?“—„Хлопотъ ужъ больно много“,
Отвѣтилъ я,—да всё и выболталъ ему,
Какъ я дитя нашелъ, какъ поднялъ. Онъ же сразу,
Не давъ мнѣ кончить рѣчь, и ну, меня просить:
„Дай Богъ тебѣ, мой Давъ, во всемъ, во всемъ удачи
— Онъ перечислилъ, въ чемъ—„ты-жъ мнѣ дитя вручи,
И да блеснетъ тебѣ лучъ счастья, лучъ свободы!“
„Есть женка у меня“—онъ продолжалъ—„она
Недавно родила, но нашъ ребенокъ умеръ“.
(Подъ женкой разумѣлъ онъ ту, что здѣсь стоитъ).

Смикринъ.

Сирискъ, всё это такъ?

Сирискъ

Да, такъ.

Давъ.

Сплошь цѣлый день
Онъ приставалъ. Я вняль, я обѣщалъ, я отдалъ 55
Ему ребенка, онъ же, кучу разныхъ благъ
Мнѣ насуливъ, ушелъ... поцѣловавъ мнѣ руку.

Смикринъ.

Ты цѣловалъ, Сирискъ?

Сирискъ.

Да. цѣловалъ.

Давъ.

Ушелъ
Съ женою онъ, и вдругъ, со мной намедни встрѣтясь.
Сталъ требовать, чтобъ вещи я вернулъ, что были 60
Съ ребенкомъ кинуты,—а вещи эти—дрянь,
Такъ... пустячки, не больше! „Ты меня провелъ“—
Кричалъ онъ—„если ихъ себѣ присвоить хочешь“.
А я въ отвѣтъ: „небось, скажи спасибо лучше.
Что въ часть тебя я взялъ“. Вѣдь, онъ отнюдь не въ правѣ 65
Разнюхивать про то, всѣ-ль вещи на лицо! (къ Сириску)
Вотъ если-бъ ты со мной кладъ отыскалъ и былъ бы
Находкой общей онъ,—владѣлъ бы ты однимъ,
А я—другимъ. Но ты... ты не при чемъ: находка
Моя! Такъ какъ же всё—тебѣ, а мнѣ... ни гроша? 70
По доброй волѣ часть я удѣлилъ тебѣ,
Коль нравится она, владѣй ей на здоровье,
А коль не по душѣ, верни её назадъ,
И насъ не обижай, а мы... мы не обидимъ.
Но всё прибрать къ рукамъ,—гдѣ силой, гдѣ мольбой, 75
Ну, это, братъ, шалишь. (Къ Смикрину) Я рѣчь свою окончилъ.

Сирискъ.

Онъ кончилъ?

Смикринъ.

Ты оглохъ? Да, кончилъ.

Сирискъ.

Хорошо.
Такъ, значитъ, мой чередъ. Ребенка онъ нашелъ,
Одинъ,—онъ въ этомъ правъ, всё было такъ, отецъ.
Тутъ спорить не о чемъ. Его просилъ я слезно, 80
Дитя я выпросилъ. Онъ въ этомъ тоже правъ.
Но вотъ одинъ пастухъ, его собратъ по службѣ,
Съ его же словъ сболтнулъ, что будто Давъ нашелъ
При маленькомъ еще какія-то вещички.
Чтобъ ихъ потребовать, малютка—здѣсь, отецъ. 85
Дай мнѣ его, жена (женщина подаетъ ребенка).
Примѣтъ и ожерелья
Съ тебя онъ требуетъ и такъ лепечетъ, Давъ:
„Всѣ вещи—мой надѣлъ, но—не твоя добыча“.
А я, какъ опекунъ, я за дитя стою:
Мнѣ эту должность ты вручилъ, отдавъ малютку! 90
Теперь же, батюшка—такъ мнится мнѣ—твой долгъ
Рѣшить, должно ли намъ припрятать для ребенка,
Пока онъ не взростетъ, какъ мать того хотѣла,
(Кто бъ ни была она!) и золото и все,
Что тамъ окажется, иль вору имъ владѣть, 95
Хотя бы первымъ онъ нашелъ добро чужое?
Но почему, ребенка взявъ, вещей я сразу
Съ тебя не стребовалъ? Да, я объ нихъ не зналъ!
Я и теперь вѣдь здѣсь не для своей корысти,
Не своего ищу. „А общая находка?“ 100
Нѣтъ слова „я нашелъ“ тамъ, гдѣ дитя страдаетъ!
Здѣсь не „находка“, нѣтъ, я вижу здѣсь грабежъ!
Подумай самъ, отецъ. Вѣдь, можетъ быть, малютка
Знатнѣе насъ. Вскормясь средь подневольныхъ рукъ.
Когда-нибудь взглянётъ онъ свысока на рабство 105
И, сердцу слѣдуя, возьмется за дѣла,
Что баричамъ къ лицу: за львиную охоту,

За дротикъ, иль за бѣгъ на играхъ. Ты бывалъ,
Небось, въ театрѣ? Да. Такъ штуки эти знаешь!
Какой-то козопасъ, какъ я, *носивший шкуру*, 110
Нашелъ Пилея разъ и Пелія. Когда
Узналъ онъ, что они—не то, что онъ... почище,
Онъ разсказалъ имъ всё, какъ ихъ нашелъ, какъ поднялъ,
И сумку отдалъ имъ съ примѣтами. Они-жъ,
Узнавъ такимъ путемъ всё то, что ихъ касалось, 115
Царями сдѣлались, а были... пастухи.
Но если-бъ онъ, какъ Давъ, распродалъ всѣ вещицы,
Чтобъ выручить себѣ, ну, хоть двѣнадцать драхмъ,
Въ безвѣстности глухой они прожили-бъ оба,
Они-то, славные, да знатные притомъ! 120
Ну, значитъ, мой отецъ, не будетъ вовсе толка,
Коль я возьму дитя, чтобъ воспитать, а Давъ
Затретъ тѣмъ временемъ пути къ его спасенью!
Вѣдь, съ помощью примѣтъ одинъ сестры не взялъ
Себѣ въ супружницы, другой спасъ мать, а третій, 125
Тотъ брата вызволилъ. Вся наша жизнь полна
Превратностей и бурь, и мы должны провидѣть
За много, много лѣтъ всё, чѣмъ она грозитъ.
Но Давъ сказалъ: „верни, коль не по нраву“. Этимъ
Онъ мыслитъ одолѣть меня въ своихъ дѣлахъ. 130
Но это—не законъ, чтобъ ты, себѣ присвоивъ
Имѣнье дѣтское, присвоилъ и дитя,
И на свободѣ вновь вредить ему бы началъ,
Растративъ тѣ дары, что спасены Судьбой!
Я все сказалъ. Теперь поставь свое рѣшенье. 135

Смикринъ.

Да, вѣдь, рѣшить легко. Что при ребенкѣ было,
Принадлежитъ ему. Таковъ мой судъ.

Давъ.

Чудесно!
Ну, а ребенокъ? Онъ—?

Смикринъ.

Его я отдаю.

Конечно, не тебѣ: ты тать, а вотъ ему,
Что защищалъ дитя отъ нападеній вора. 140

Сирискъ.

Да вкусишь счастье ты!

Давъ.

Что за неправый судъ!
Спаситель-Зевсъ! Вѣдь мной всё найдено, и что же?
Всё отняли они, и онъ моимъ владѣетъ!
Неужли дать суму?

Смикринъ.

Ну, да.

Давъ.

Неправый судъ.
А коли вру, да сгибнуть мнѣ!

Смикринъ (обращаясь къ Даву).

Эй, ты, скорѣе. 145

Давъ.

Гераклъ, обиженъ я!

Сирискъ.

Давай сюда суму,
И покажи, что въ ней: вѣдь въ содержимомъ дѣло!

Давъ.

Минутку подожди, пожалуйста! (Въ сторону). Зачѣмъ
Я взялъ его судьей?

Сирискъ.

Давай суму, негодникъ!

Давъ (отдавая суму).

Обиженъ, оскорбленъ!

Смикринъ (обращаясь къ Сириску).

Все тутъ?

Сирискъ.

Да, всё какъ будто. 150
А, впрочемъ, можетъ быть, онъ и слизнулъ кой-что,
Пока я рѣчь держалъ.

Давъ.

И не подумалъ даже!

Сирискъ (уходящему Смикрину).

Спасибо, дорогой. Такъ праведно и скоро
Судить бы дòлжно всѣмъ!

Давъ.

Ну, нѣтъ. Неправый судъ!
Клянусь Геракломъ я! Скажи, я-ль не обиженъ? 155

Сирискъ.

Негодникъ ты!

Давъ (въ бѣшенствѣ).

Ну, дрянь, смотри теперь ты въ оба.
Коль дѣтское добро растратишь ты, тебѣ
Не сдобровать: стеречь тебя я не устану!

Сирискъ (презрительно).

Проваливай, не то влетитъ! (Давъ уходитъ). 160
Теперь, жена,
Ребенка отнеси ты въ барское жилище.
Сегодня переждемъ мы Хэрестрата здѣсь,
А завтра за дѣла опять съ тобой возьмемся,
Чтобъ барщину отбыть. А впрочемъ, нужно намъ
Сперва пересчитать всѣ вещи. Есть корзина?
Ну, коли нѣтъ, клади за пазуху. 165

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

[*Изъ дома Харисія выходитъ Онисимъ и медленно направляется въ сторону Сириска и его жены, не замѣчая ихъ сначала*].

Онисимъ (про себя).

Не поваръ,
А просто размазня! Вчера мы въ это время
Обѣдъ ужъ кончили —

Сирискъ (разбирая вещи и передавая женѣ).

Вотъ это... пѣтушокъ...
Какъ будто, да. Возьми его. Какой онъ крѣпкій!
Вещичка съ камешкомъ! А вотъ тебѣ сѣкира!

Онисимъ (замѣтивъ Сириска, про себя).

Что это?

Сирискъ (не замѣчая Онисима).

Перстень... да... желѣзный, съ позолотой, 170
На немъ печатка: быкъ, а можетъ и козелъ.
Ну, гдѣ тутъ разобрать? Какимъ-то Клеостратомъ
Онъ сдѣланъ, какъ о томъ мнѣ буквы говорятъ.

Онисимъ (подойдя вплотную).

Дай посмотрѣть.

Сирискъ (протягивая перстень).

Смотри. Ты кто?

Онисимъ.

Онъ самый!

Сирискъ.

Кто?

Онисимъ.

Да перстень.

Сирискъ.

Этотъ? Да? Тебя не понимаю!

Онискмъ.

Харисій, баринъ мой,—хозяинъ перстня.

Сирискъ.

Врешь!

Онисимъ.

Онъ обронилъ его —

Сирискъ.

Отдай кольцо, проклятый.

Онисимъ.

Тебѣ дать наше? Нѣтъ, скажи мнѣ, гдѣ нашелъ?
Гдѣ поднялъ?

Сирискъ.

Аполлонъ и вы, другіе боги!
Ну, чистая бѣда! Попробуй-ка спасать 180
Сиротское добро! Кому не лѣнь,—всякъ тащитъ.
Дай перстень, говорю.

Онисимъ.

Да что ты? Очумѣлъ?
Кольцо—Харисія, клянусь я Аполлономъ!

Сирискъ.

Я раньше удавлюсь, чѣмъ уступлю тебѣ,
Хоть капельку! Бери, но я судиться буду 185
Со всѣми: что въ сумѣ, то—не мое,—дитяти! (къ женѣ, продолжая разбирать вещи).
Что это за уборъ? Возьми. Лоскутъ пурпурный!
Теперь ступай домой. (Обращаясь къ Онисиму).
Что скажешь?

Онисимъ.

Я скажу:
Кольцо—Харисія! Его онъ обронилъ,
Когда былъ выпивши.

Сирискъ.

А я—рабъ Хэрестрата. 190
Коль хочешь, береги ты перстень у себя,
А то мнѣ передай,—я сохраню.

Онисимъ.

Нѣтъ, буду
Я самъ его беречь.

Сирискъ.

Мнѣ это все равно.
Вѣдь, мы съ тобой идемъ въ одно и то же мѣсто.
Сюда, не правда ли? (указываетъ на домъ Харисія, сосѣдній съ домомъ Хэрестрата?).

Онисимъ.

У насъ теперь пріемъ,
Такъ, значитъ, барину передавать не время.
До завтра подождемъ.

Сирискъ.

Что жъ, подождемъ до завтра!
Я напередъ готовъ, чтобъ насъ съ тобой судилъ
Любой судья! (Въ сторону).
Ну, вотъ опять недурно вышло!
А право, не пора ль, оставивъ всё, заняться 200
Судебнымъ ремесломъ! Имъ нынѣ всё спасешь!
(Уходятъ. Онисимъ въ домъ Харисія, Сирискъ—въ жилище Хэрестрата).

Музыкальная интермедія.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

[*Изъ дома Харисія выходитъ Онисимъ. Онъ задумчивъ и мраченъ*].

Онисимъ.

Я барину разъ пять, а то и больше, перстень
Всё показать хотѣлъ. Бывало подойдешь

Близехонько,—стоишь совсѣмъ къ нему вплотную,
Да и опять назадъ. Эхъ, старый мой доносъ! 210
И каюсь же я въ немъ! Мой баринъ то и дѣло
Твердитъ: „Зевсъ разрази того, кто язву вскрылъ
На горе мнѣ!“—Боюсь, что, примирясь съ женою,
Меня, наушника, онъ въ порошекъ сотретъ,
За то, что знаю всё! Придется половчѣе, 215
Съ опаской, къ старому прибавить новый шагъ!
Вѣдь для меня и въ немъ одна бѣда таится!

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

[*Изъ дома Харисія выбѣгаетъ вся въ слезахъ флейтистка Габротононъ и поспѣшно направляется къ Онисиму*].

Габротононъ (къ кому-то изъ гостей Харисія).

Оставьте вы меня... прошу... не прибавляйте
Къ слезамъ мнѣ новыхъ слезъ. Сама я виновата! (Обращаясь къ Онисиму).
Не видѣть, что иду на поруганье! Онъ, 220
Представь себѣ, меня, ну, прямо ненавидитъ.
Спать не даетъ съ собой, заставилъ спать отдѣльно.
Прямой дуракъ!

Онисимъ (про себя, не слушая Габротононъ).

А что, коль передать кольцо
Опять тому рабу? Да, будетъ странно!

Габротононъ.

Глупый!
Къ чему онъ тратитъ зря такую уйму денегъ? 225
А я-то... я могу теперь, мой дурачекъ,
Съ кошницею идти богиню славословить:
Чиста ужъ третій день я „отъ объятій брачныхъ“,
Какъ говорится—

Онисимъ (про себя).

Охъ! Вы, боги, помогите!
Гдѣ выходъ для меня?

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

[*На сцену поспѣшно вбѣгаетъ Сирискъ. Онъ, повидимому, кого-то ищетъ и находится въ сильномъ волненіи*].

Сирискъ.

Ищу его, ищу 230
Повсюду... зря. (Замѣчая Онисима).
Ты здѣсь! Отдай-ка мнѣ, мой милый,
Кольцо, иль покажи, кому ты тамъ хотѣлъ.
Судиться будемъ мы! Пора мнѣ въ путь-дорогу!

Онисимъ (въ замѣшательствѣ).

Дѣльцо то—чистый грѣхъ... Навѣрняка я знаю:
Харисій, баринъ мой—хозяинъ перстня. Но... 235
Какъ показать ему? Коль я отдамъ, то сразу
Харисій нашъ отцомъ тому ребенку станетъ,
Съ кѣмъ перстень кинутъ былъ—

Сирискъ (съ недовѣріемъ).

Ишь ты, куда загнулъ!

Онисимъ (съ убѣжденіемъ).

На Тавроноліяхъ, при бдѣніи ночномъ,
Гдѣ были женщины, онъ обронилъ свой перстень. 240
Ты пораскинь умомъ, и выйдетъ: онъ дѣвицу
Тамъ изнасиловалъ, она же родила
И кинула дитя.—Найти-бъ ее сначала,
Да ей бы перстень дать,—всё вышло бы на свѣтъ!
Пока же—тутъ одна лишь смута, да волненье!

Сирискъ (не убѣжденный доводами Онисима).

Самъ обсуди! Но знай: коль тянешь дѣло ты,
Чтобъ перстень мнѣ отдать за малую толику,—
Ты плохо разсчиталъ! Дѣлиться я ни съ кѣмъ
И не подумаю!

Онисимъ (презрительно).

Мнѣ не нужна дѣлежка!

Сириискъ.

Я въ городъ побѣгу. Тамъ обойду дѣльцовъ, 245
Да разспрошу, какъ мнѣ съ тобою дѣло дѣлать! (Уходитъ).

Габротононъ (указывая на окно въ домѣ Хэрестрата въ которомъ видна жена Сириска, кормящая ребенка).

Онисимъ, женщина, что кормитъ тамъ дитя,—
Его-то и нашелъ нашъ угольщикъ? Скажи-ка!

Онисимъ.

Да, по его словамъ

Габротононъ (съ нѣжностью).

А крошка, хоть куда!

Онисимъ.

И перстень барина, что у меня остался. 250

Габротононъ (показывая на ребенка).

Чудовище! Коль это вправду—твой барчукъ,
А ты глядишь себѣ, какъ онъ живетъ съ рабами,—
Ты смерти стоишь, да!

Онисимъ (мрачно).

Пожалуй, что и стою,

Габротононъ.

Про мать не вѣдаютъ? А перстень имъ потерянъ
На Тавроноліяхъ?

Онисимъ.

Онъ пьянъ былъ, мнѣ сказалъ 255
Съ нимъ бывшій рабъ.

Габротононъ (припоминая что-то).

Ну, да, онъ на ночное бдѣнье,
Гдѣ были женщины, должно быть, ворвался!
Однажды и при мнѣ такая-жъ точно штука
Была.

Онисимъ (пораженный).

Какъ при тебѣ?

Габротононъ.

А въ прошломъ-то году,
На Тавроноліяхъ! Играла я на арфѣ 260
Тогда для дѣвушекъ и забавляла ихъ.
Вѣдь я мущинъ тогда совсѣмъ еще не знала,
Клянусь Кипридою!

Онисимъ.

А вѣдома тебѣ
Та дѣвушка?

Габротононъ.

Еще-бъ! Она была сродни
Тѣмъ, кто привезъ меня.

Онисимъ.

А кто отецъ, слыхала? 265

Габротононъ.

Ну нѣтъ! Зато ее признать не трудно мнѣ!
О боги, какъ она красива, да притомъ
Богата, просто страсть!

Онисимъ (со страхомъ).

Не барыня ли наша?

Габротононъ.

Не знаю я.—Такъ вотъ, на время насъ оставивъ,
Ушла она, и вдругъ бѣжитъ назадъ въ слезахъ, 270
Терзая волосы. Мы смотримъ: платье—въ клочьяхъ,
Изорвано совсѣмъ, лохмотья лишь висятъ.
А было дивное: вѣдь, прямо изъ Тарента!

Онисимъ.

А перстень былъ у ней?

Габротононъ.

Возможно, но она—
Не буду лгать—его не показала.

Онисимъ (съ отчаяніемъ).

Что-жъ 275
Мнѣ дѣлать-то теперь?

Габротононъ.

А вотъ что! Если ты
Не глупъ и вѣришь мнѣ, то перстень господину
Ты покажи. Къ чему, коль крошка—отъ свободной,
Его мы будемъ зря отъ барина таить?

Онисимъ.

Сперва, Габротононъ, найди мнѣ мать малютки, 280
А ужъ потомъ мы съ ней и къ барину пойдемъ!

Габротононъ.

Ну, это—не легко, пока не знаю точно,
Кто былъ насильникомъ. Я, видишь ли, боюсь
Такъ, не подумавши, раскрыть глаза знакомымъ.
Кто знаетъ, можетъ быть, онъ перстень заложилъ 285
Пріятелю, а тотъ такъ, зря, его посѣялъ.
Возможно, вѣдь и то, что при игрѣ, въ закладъ
Онъ далъ свое кольцо, иль объ него побился,
Да проигралъ пари и отдалъ перстень. Часто
Такіе случаи бываютъ на пирахъ! 290
Пока обидчика не знаю я, не стану
Искать я дѣвушки, иль раскрывать глаза
На что бы ни было!

Онисимъ.

Ты складно говоришь!
Но что же дѣлать мнѣ?

Габротононъ.

Послушай-ка, Онисимъ.
Коль по душѣ тебѣ, что мнѣ взбрело на умъ, 295

То я примусь одна за наше дѣло. Перстень
Я у тебя возьму и барину отдамъ.
Вотъ я къ нему вхожу—

Онисимъ.

Такъ, такъ! Я начинаю
Брать въ толкъ.

Габротононъ.

Онъ видитъ: я съ кольцомъ. „Гдѣ это ты
Взяла кольцо?“—„Взяла, когда была дѣвицей, 300
На Тавроноліяхъ“. Я выдамъ за свое,
Что было съ *той*: онò, вѣдь, мнѣ почти извѣстно!

Онисимъ (въ восторгѣ).

Вотъ ловко-то!

Габротононъ.

Ну, видишь ли, коль тотъ грѣшокъ
Имъ вправду совершенъ, онъ самъ помчится прямо
На встрѣчу совѣсти, и такъ какъ выпилъ онъ, 305
То выболтаетъ всё, безъ удержа, съ наскока.
Я-жъ буду повторять, но первой не начну,
Чтобъ не провраться вдругъ.

Онисимъ.

Чудесно, вотъ-те Гелій!

Габротононъ.

Жеманиться начну, и чтобъ не ошибиться,
Такъ кое-что болтать. „Ты былъ такимъ безстыднымъ, 310
Такимъ неистовымъ!“

Онисимъ.

Чудесно!

Габротононъ.

„Ты меня
Вразъ повалилъ! Мое совсѣмъ пропало платье!
О я несчастная“.—Да, передъ этимъ я

Ребеночка возьму, начну ласкать и плакать,
А женщинѣ скажу: „Гдѣ ты нашла“?

Онисимъ.

Гераклъ! 315

Габротононъ.

А подъ конецъ всего я крикну: „вотъ—твой мальчикъ!
Онъ—отъ тебя“, и тутъ я протяну ему
Дитя.

Онисимъ.

Габротононъ, подстроено всё ловко!

Габротононъ.

Когда же выйдетъ всё наружу, и отцомъ
Себя признаетъ онъ, мы на досугѣ сыщемъ 320
Ту дѣвушку.

Онисимъ (съ ироніей).

Одно ты упустила: ты
Свободной станешь. Онъ, сочтя тебя за мать
Малютки, дастъ тебѣ, конечно, отпускную.

Габротононъ (съ дѣланнымъ равнодушіемъ).

Не знаю, но хочу!

Онисимъ (съ прежней ироніей).

Ахъ, ты о томъ не знаешь!
Ты за содѣйствіе мнѣ что-нибудь вручишь? 325

Габротононъ.

Клянусь богинями! Тебя считать я буду
Виновникомъ всего.

Онисимъ (недовѣрчиво).

А что, коль ты нарочно
Дѣвицы не найдешь, да проведя меня,
И успокоишься,—тогда что дѣлать?

Габротононъ (съ подъемомъ).

Глупый!
Да для чего? Иль, мыслишь, я дѣтей хочу? 330
Свободу надо мнѣ, ее одну. О, боги!
Вотъ если бы ее мнѣ получить!

Онисимъ (убѣжденно).

Получишь!

Габротононъ (радостно).

Такъ, значитъ, ты со мной?

Онисимъ.

Вполнѣ съ тобой! Но если
Ты въ сторону свернешь, тогда съ тобой сражусь.
На это хватитъ силъ! Пока же мы посмотримъ, 335
Что̀ выйдетъ у тебя.

Габротононъ (радостно).

Такъ, значитъ, по рукамъ?

Онисимъ.

Да по рукамъ.

Габротононъ.

Тогда отдай мнѣ этотъ перстень.

Онисимъ.

Бери.

Габротононъ.

Теперь, Пиѳо̀, лети на помощь мнѣ
И рѣчь мою направь, какъ я того желаю. (Уходитъ).

Онисимъ (съ горечью по адресу Габротононъ).

Страсть, какъ находчива! Почуявъ, что нельзя 340
Любовью выманить себѣ свободы право,
Что дѣло дрянь,—она пустилась въ путь иной
И шествуетъ себѣ! А я всю жизнь рабомъ
Пробуду! Я—слюняй, дубина! Нюха нѣтъ

На тонкости! (Съ надеждой).
Зато перепадетъ мнѣ, вѣрно, 345
Коль дѣло выгоритъ! Я заслужилъ! (Съ отчаяніемъ).
Пустое!
И глупъ же ты! Мечтать, что женщина тебя
За помощь одаритъ? Спасибо, если горя
Ты не хлебнешь еще! (Нерѣшительно, но съ радостью).
Пока, въ томъ спора нѣтъ,
Дѣла-то барыни неважны, даже очень! 350
Вѣдь, если дочерью свободнаго отца
Окажется та мать, что родила ребенка,
Съ ней баринъ вступитъ въ бракъ, и барынѣ тогда
Придется домикъ нашъ покинуть безъ возврата.
Пока что, надо мнѣ въ сторонку отойти, 355
Да сдѣлать видъ, что я—чистехонекъ. Простите,
Дѣлишки крупныя! А если я опять
Иль сплетничать начну, иль носъ въ чужое суну,—
Пусть выбьютъ... зубы мнѣ! (Всматривается въ даль).
Кто это тамъ идетъ?
Смикринъ къ намъ жалуетъ, изъ города вернулся, 360
(Смикринъ подходитъ)
<Взволнованъ чѣмъ-то онъ.> Что, если разсказалъ
Тамъ кто-нибудь ему про <нашего малютку?>
Убраться бы скорѣй, чтобъ не мозолить глазъ!

Но Онисиму, повидимому, не удалось исполнить своего намѣренія. Насколько можно судить объ этомъ по обрывкамъ послѣдующихъ стиховъ, ему пришлось все-таки вступить въ разговоръ съ раздраженнымъ Смикриномъ. Этотъ разговоръ касался, повидимому, того самого повара, котораго въ началѣ пьесы Онисимъ привелъ съ рынка. Но надо думать, что помимо этого Смикринъ не преминулъ затронуть и наболѣвшій вопросъ, а именно, вопросъ о легкомысленномъ поведеніи Харисія, своего зятя. Во всякомъ случаѣ тонъ Смикрина врядъ ли былъ пріятенъ для Онисима. Не даромъ говоритъ онъ: ὦ τρισάθλιος | ἐγὼ κατὰ πάντα! Что же до Смикрина, то повышенность его настроенія въ достаточной степени характеризуется слѣдующимъ, пущеннымъ по адресу повара (?) ругательствомъ: ἐκαλεῖτ' εἰς μακαρίας [1]).

[1]) Приписывать эти слова Онисиму врядъ ли возможно.

Очень можетъ быть, что въ діалогъ Смикрина съ Онисимомъ вступалъ подъ конецъ и Харисій, впервые, такимъ образомъ, появлявшійся передъ публикой и, вѣроятно, оправдывавшій передъ лицомъ тестя свое поведеніе.

Какъ бы то ни было, непрерывное теченіе комедіи нарушается, начиная со стиха 364, и въ дальнѣйшемъ мы имѣемъ уже только отдѣльныя сцены, изъ которыхъ лишь нѣкоторыя тѣсно связаны одна съ другой.

Отрывокъ, идущій за діалогомъ Смикрина и Онисима, начинается съ появленія Габротононъ, которая выходитъ изъ дома Харисія, держа на рукахъ плачущаго ребенка. Тотъ планъ, о которомъ она говорила Онисиму, повидимому, приведенъ ею въ исполненіе и удался вполнѣ. Въ глазахъ Харисія она идетъ теперь за подлинную мать ребенка и можетъ на свободѣ заняться разыскиваніемъ настоящей матери найденыша.

Вполнѣ возможно, что этой сценой открывалось *третье* дѣйствіе комедіи, вступавшей въ новую фазу компликацій и интригъ и захватывавшей по дорогѣ новыхъ лицъ, о которыхъ до сихъ поръ лишь упоминалось. Такимъ лицомъ, прежде всего, является Софрона, нянька (?) Памфилы, жены Харисія. Этотъ персонажъ былъ, безусловно, необходимъ для приведенія къ благополучному концу всего плана Габротононъ, такъ какъ Софрона, какъ это выясняется изъ дальнѣйшаго, была съ Памфилой на Таврополіяхъ, а слѣдовательно, могла лучше всѣхъ навести Габротононъ на слѣды отыскиваемой дѣвушки, которая и была матерью ребенка и жертвой Харисія.

Габротононъ (выходя изъ дома Харисія).

Съ ребенкомъ выхожу, онъ горько плачетъ, бѣдный!
Что̀ приключилось съ нимъ, никакъ не разберу. 375

Софрона (взволнованная, поспѣшно выбѣгаетъ изъ дома Смикрина, что̀ примыкаетъ къ дому Харисія).

Кто изъ боговъ меня, бѣдняжку, пожалѣетъ?

Далѣе идутъ слова Габротононъ (ст. 377—380), обращенныя, повидимому, къ зрителямъ, слова, смыслъ которыхъ въ виду отрывочности текста, не вполнѣ ясенъ. Изъ двухъ послѣднихъ стиховъ (ст. 381—382), которые Lefebvre и Leeuwen относятъ къ Софронѣ, но которые, какъ мнѣ кажется, надо приписывать Габротононъ, можно

выводить, что Габротононъ замѣчаетъ Софрону, няньку Памфилы, жены Харисія, припоминаетъ, что видѣла ее на Тавроноліяхъ вмѣстѣ съ обезчещенной Харисіемъ дѣвушкой и, обрадованная встрѣчей, которая можетъ помочь ей найти мать ребенка, обращается къ Софронѣ со словами: „здравствуй, милая“ (ὦ χαῖρε, φιλτάτη). Софрона, удивленная этимъ привѣтомъ со стороны какъ будто незнакомой женщины, вглядывается въ Габротононъ, припоминаетъ, что встрѣтила ее еще дѣвушкой въ минувшемъ году на Тавроноліяхъ и, увидѣвъ у нея на рукахъ ребенка, задаетъ ей вопросъ.

Софрона.

Скажи мнѣ, милая, откуда у тебя 385
Ребенокъ?

Габротононъ (вмѣсто отвѣта показывая на ожерелье, которое надѣто на шейку ребенка).

Ты на немъ не видишь ли вещицы
Знакомой для тебя? (Софрона приглядывается, узнаетъ ожерелье и въ нерѣшительности молчитъ).
Да, не робѣй, голубка!

Софрона.

Такъ ты ему... не мать?

Габротононъ.

Я ею назвалась. (Замѣчая, что на лицѣ Софроны отражается ужасъ и негодованіе, продолжаетъ съ поспѣшностью).
Не для того, чтобъ мать законную обидѣть,
А чтобъ найти ее. И вотъ — 390

Софрона.

Такъ ты нашла?

Габротононъ (торжественно показывая рукой на Памфилу, которая показывается въ окнѣ дома Смикрина).

Вновь предо мной она!

Софрона (съ живостью).

А кто... отецъ ребенка?

Габротононъ.

Харисій!

Софрона (пораженная, съ недовѣріемъ).

Милая, а тутъ... ошибки нѣтъ?
Харисій! *Онъ*—отецъ?

Габротононъ (съ удареніемъ).

Его *жену* я вижу!

Софрона (указывая на окно).

Ту, что—въ окнѣ?

Габротононъ.

Ну, да!

Софрона (радостно).

Счастливица! Ее
Богъ, видно, пожалѣлъ! 395

Габротононъ (прислушиваясь).

Какъ будто у сосѣдей
Дверь хлопнула. Шаги... сюда идутъ! Съ собой
Возьми-ка ты меня, чтобъ я про остальное
Тебѣ повѣдала подробно, не спѣша. (Уходятъ въ домъ Смикрина).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

[*На сцену изъ дома Харисія выходитъ Онисимъ. На немъ лица нѣтъ, онъ чѣмъ то напуганъ*].

Онисимъ.

Бѣснуется во всю, клянусь въ томъ Аполлономъ!
Въ него вселился бѣсъ! Онъ бѣсится, о боги! 400
Онъ—это баринъ мой Харисій! Горькой желчью

Полна его душа, а, можетъ, и другимъ
<Недугомъ тягостнымъ онъ боленъ. Посудите!>
Сначала у дверей [1]) стоялъ онъ долго, въ щель 405
Украдкою смотря и слухъ свой напрягая.
А за дверьми отецъ его жены въ сердцахъ
Ей что-то говорилъ, сдается мнѣ. Нашъ баринъ
Блѣднѣлъ, краснѣлъ, да вдругъ—противно вспоминать!—
И ну, давай вопить: „о свѣтъ моихъ очей! 410
Что слышу отъ тебя!“ Потомъ съ ужасной силой
Себя по головѣ ударилъ и сказалъ,
Минуту погодя: „И я съ такой женою
Несчастнымъ мнилъ себя, негодникъ!“ Наконецъ,
Прослушавъ рѣчь жены, онъ скрылся въ домъ и началъ 415
Рвать волосы, стонать, ну, впрямь, сходить съума!
„Такъ поступить, какъ я“—онъ повторялъ—„такъ гадко!
Прижить на сторонѣ ребенка, а женѣ
Грѣха не отпустить, не пожалѣть несчастной!
Да я совсѣмъ дикарь! Гдѣ сердце у меня!“ 420
Такъ онъ себя бранилъ, безъ жалости, а очи,—
Тѣ кровью налились, и былъ онъ—внѣ себя!
Струхнулъ порядкомъ я! Я весь отъ страха высохъ!
Вѣдь если бѣшеный меня увидитъ онъ,
Меня, доносчика,—того гляди, прикончитъ. 425
Вотъ почему тайкомъ я проскользнулъ сюда!
Куда дѣваться мнѣ? Что выдумать? (Прислушивается).
Ой, лихо!
Подходитъ смерть! Дверьми *онъ* хлопнулъ... *онъ* идетъ!
Спаситель Зевсъ, меня, коль можешь, защити! (Кидается въ сторону).

---

[1]) Для того, чтобы ясно представить себѣ, въ чемъ тутъ дѣло и какимъ образомъ Харисій могъ подслушать слова жены, нужно сдѣлать еще одно предположеніе. Я уже не разъ упоминалъ о томъ, что домъ Харисія примыкалъ къ дому Смикрина, такъ что оба жилища какъ бы продолжали другъ друга. Но одного этого еще недостаточно для объясненія того, какимъ образомъ Харисій могъ ясно слышать всю бесѣду отца съ дочерью. Надо думать, что для удобства совмѣстной жизни оба дома были соединены внутри или путемъ простой двери или на манеръ того, какъ говорится объ этомъ въ Stichus Плавта (vv. 449 sqq.) и на что указываетъ *Leo* (o. c. 136). Услышавъ громкіе голоса и желая узнать, въ чемъ дѣло, Харисій приникаетъ къ передаточной двери и ясно различаетъ, какъ его жена, имъ отвергнутая, не соглашается на предложеніе отца развестись съ мужемъ и потребовать назадъ приданое.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

[*Изъ дома выбѣгаетъ Харисій. Видно, что онъ внѣ себя: его одежда—въ безпорядкѣ, на его лицѣ написано отчаяніе и полное презрѣніе къ самому себѣ*]

Харисій (указывая на себя).

Вотъ—онъ, кто безъ грѣха, кто доброй славы ищетъ, 430
Кто благо и порокъ умѣетъ различать,
На комъ ни пятнышка, кто чистъ и непороченъ! (Съ горечью).
Да, божество со мной расправилось по-свойски,
И подѣломъ!—Пойми, ты—тоже человѣкъ!
Ты смѣешь пыжиться, ты съ высоты вѣщаешь! 435
Женѣ своей простить невольнаго грѣха
Не въ силахъ, да? А самъ (куда хорошъ!) впадаешь
Въ такой же грѣхъ! И вотъ, она съ тобой мягка!
Ты-жъ топчешь въ грязь её: а коли—такъ, то, значитъ,
Ты—дрянь, ты—негодяй, ты—жалкій человѣкъ 440
(Какъ бы припоминая что-то).
Небось, она отцу совсѣмъ не то сказала,
Что про себя о ней ты говорилъ. (Съ нѣжностью повторяетъ слова жены).
„Коль съ нимъ
Я жизнь дѣлю, то съ нимъ я раздѣлю и горе!“ (Съ ожесточеніемъ).
<Вотъ это такъ отвѣтъ!> А ты, ты слишкомъ гордъ!

Конца монолога къ сожалѣнію не сохранилось. Не сохранилось и сцены, непосредственно примыкавшей къ нему. Благодаря этому возстановить полное теченіе дѣйствія мы не можемъ. Что же касается до отрывка, состоящаго изъ 7 неполныхъ стиховъ и помѣщаемаго въ изданіяхъ вслѣдъ за монологомъ Харисія, то онъ сохранился настолько плохо, что составить себѣ ясное представленіе объ его содержаніи довольно трудно. Очевидно только одно: сохранившіеся *семь* стиховъ составляли часть разговора между двумя лицами, причемъ предметомъ бесѣды служилъ, повидимому, найденышъ [1]). Изъ словъ πάξ. μὴ βλέπ[ῃς ἀπιστίαν?] [2]) можно заключать, что одинъ изъ собесѣдниковъ былъ пора-

---

[1]) Врядъ ли этими лицами были Смикринъ и Памфила, какъ это думаетъ Leeuwen (стр. 37).

[2]) По поводу этого дополненія ср. Eupol. fr. 309 (Kock, I, 341):

женъ сдѣланнымъ ему открытіемъ, которое, вѣроятно, касалось разоблаченій насчетъ происхожденія ребенка. Я былъ бы не прочь видѣть въ одномъ изъ разговаривающихъ *Сириска*, пришедшаго снова за перстнемъ, а въ другомъ—*Габротононъ*. Послѣдняя могла открыть глаза Сириску на истинное происхожденіе ребенка, на то, что онъ не τὸ τυχὸν [παιδίον?], не сынъ „гетеры" (ἑταιριδίου), но παιδάριον [τὸ γνήσιον?], и затѣмъ направить Сириска къ Харисію, чтобы подготовить почву для окончательныхъ разоблаченій, которыя должны были послѣдовать уже съ ея стороны. Если все это такъ, то надо думать, что Сирискъ удалялся въ домъ, а Габротононъ, оставаясь на сценѣ, произносила нѣсколько стиховъ, въ которыхъ она могла, между прочимъ, снова призывать къ себѣ на помощь боговъ, какъ въ стихахъ 338 — 339. Въ такомъ случаѣ слѣдующая картина открывалась появленіемъ Харисія, сопровождаемаго Сирискомъ, къ которому взволнованный сообщеніемъ Харисій и обращался съ слѣдующими словами [1]):

Харисій.

Зачѣмъ томишь меня, негодникъ? 455

Габротононъ (выступая впередъ).

Я—въ отвѣтѣ!

Харисій.

Ну, отвѣчай!

Габротононъ.

Твоя законная жена
Ребенка родила: онъ—не чужой!

Харисій.

О если-бъ
Всё было такъ!

Габротононъ.

Да, такъ, клянусь тебѣ Димитрой!

συνεπόχεν ἐξόντι μοι
ἄνθρωπος ἀποφρὰς καὶ βλέπων ἀπιστίαν.

[1]) Эти стихи находятся на оборотѣ того обрывка, recto котораго занято вышеупомянутыми 7 стихами.

Харисій.

Ты говоришь...

Габротононъ.

Одну лишь правду.

Харисій.

Что дитя 460
Памфилы?

Габротононъ.

И твое!

Харисій.

Дитя—моей Памфилы?
Габротононъ, надеждъ напрасныхъ не сули!

Сцена, идущая въ настоящее время за діалогомъ Харисія и Габротононъ, не примыкала къ ней непосредственно. Между ними былъ, безъ сомнѣнія, еще цѣлый рядъ дополнительныхъ сценъ, о приблизительномъ содержаніи которыхъ мы можемъ только догадываться.

Насколько я понимаю ходъ дѣйствія, вслѣдъ за открытіемъ, сдѣланнымъ Габротононъ Харисію, послѣдній долженъ былъ искать немедленнаго примиренія со своей женой. По свойственной ему пылкости, да къ тому же измученный продолжительной душевной борьбой между любовью къ женѣ и нежеланіемъ ее простить, Харисій долженъ былъ поступать стремительно, поступать такъ, какъ этого требовалъ его несдержанный характеръ. Онъ не могъ дожидаться прихода своего тестя, чтобы мирнымъ путемъ уладить всѣ недоразумѣнія. Повинуясь движенію своего сердца, онъ долженъ былъ немедленно вслѣдъ за бесѣдой съ Габротононъ броситься къ женѣ, чтобы вымолить у нея прощеніе. Но для этого ему надо было войти въ домъ Смикрина, гдѣ временно находилась Памфила, и попытаться перевести ее оттуда къ себѣ.

И вотъ въ сопровожденіи Онисима, Сириска, а, можетъ быть, и Габротононъ, онъ, пользуясь отсутствіемъ тестя, проникалъ къ нему въ домъ, гдѣ Памфила, освѣдомленная обо всемъ происшедшемъ благодаря Софронѣ и той же Габротононъ, съ нетерпѣніемъ ждала прихода своего мужа, который по прежнему былъ ей любъ.

Возможно, что Менандръ, какъ глубокій знатокъ человѣческой при-

роды, не преминулъ воспользоваться удобнымъ случаемъ для болѣе детальной характеристики Памфилы, и можно думать, что между примирившимися супругами происходилъ нѣжный діалогъ, послѣ котораго они вмѣстѣ удалялись въ домъ Харисія. Это и будетъ то ἅρπαγμα, о которомъ съ усмѣшкой говоритъ Смикрину Онисимъ (стихъ 484) и предъ которымъ σπουδή Смикрина является запоздалымъ.

Мы, конечно, не можемъ сказать, что̀ изъ предположеннаго нами имѣло мѣсто на сценѣ и что̀ происходило за сценой. Вполнѣ мыслимо, что Менандръ, согласно своему обычаю, много разъ прибѣгалъ въ утерянной для насъ части комедіи къ косвенной передачѣ того или другого факта, пользуясь для этого такими персонажами, какъ Онисимъ или Габротононъ.

Само собой разумѣется, что счастливое для Харисія событіе должно было благотворно отразиться и на положеніи другихъ лицъ, заинтересованныхъ во всей исторіи, т. е. на положеніи Габротононъ, Сириска, Онисима и Дава. Можно думать, что всѣ они, какъ люди болѣе или менѣе причастные къ открытію тайны и къ установленію мира между супругами, получали свободу, такъ что найденышъ являлся для нихъ своего рода рогомъ изобилія, изливавшимъ на нихъ всевозможныя блага.

Все мною изложенное и развивалось, вѣроятно, въ пропавшихъ для насъ сценахъ, причемъ, конечно, и Софрона имѣла тутъ свою долю участія, какъ лицо наиболѣе послѣ отца близкое къ Памфилѣ [1]). Такимъ образомъ, еще до возвращенія Смикрина все въ домѣ Харисія входило въ нормальный видъ, и оставалось только ждать того момента, когда Смикринъ, вернувшись къ себѣ, увидитъ, что всѣ его планы развести дочь съ ея мужемъ потерпѣли неудачу.

Въ настоящее время мы располагаемъ только концомъ той сцены, въ которой выступаетъ Смикринъ, взбѣшенный всѣмъ происшедшимъ. Надо думать, что объ уходѣ дочери онъ узнавалъ отъ Софроны, съ которой и происходилъ у него разговоръ, причемъ Софронѣ, думается мнѣ, принадлежатъ и тѣ два стиха (ст. 462—463), которые предшествуютъ рѣчи Смикрина. Если мое предположеніе вѣрно, то возможно, что въ своей рѣчи Софрона давала Смикрину отчетъ о послѣднемъ шагѣ его дочери, попутно высказывала свои личныя соображенія на-

[1]) Неясно мнѣ только, что̀ представлялъ собой Хэрестратъ. Отца Харисія? Неясна мнѣ также и его роль въ пьесѣ, тѣмъ болѣе, что въ сохранившейся части комедіи онъ нигдѣ не выступаетъ: о немъ только говорятъ, да и то глухо.

счетъ образа дѣйствій самого Смикрина и заканчивала рѣчь своего рода панегирикомъ въ честь Памфилы, находя, что она поступила „разумно“.

На эту рѣчь Софроны и обрушивается Смикринъ въ слѣдующей сценѣ, которая является послѣдней при настоящемъ состояніи текста.

Софрона (?)

⟨Сказала⟩
⟨Она⟩ разумное: „Что̀ говоритъ! Грѣха
Отъ не простилъ бы мнѣ, но *я* ему прощаю“.

Смикринъ (въ бѣшенствѣ).

Коль я не разобью башки твоей, Софрона,
Пусть пропаду совсѣмъ! Ты будешь мнѣ читать 465
Нравоученья? Ты, негодная старуха?
Съ увозомъ дочери я, вишь ты, поспѣшилъ!
Иль ждать, по твоему, пока зятекъ почтенный
Приданаго не съѣстъ? Иль о своемъ добрѣ
Балясы съ нимъ точить? И лѣзть съ такимъ совѣтомъ! 470

Софрона.

Ты поспокойнѣй будь!

Смикринъ (угрожающе).

Поговори еще,
Такъ завопишь во всю!—И *я* съ Софроной спорю!
Уговори мнѣ дочь: такъ будетъ лучше! (Иронически).
Ты
Мудрецъ вѣдь у меня!—Пойду домой. (Къ Софронѣ).
Вотъ лужа!
Видала? Ночку въ ней тебя я продержу... 475
Ты и скапутишься! Ужъ я тебя заставлю
Не возражать ни въ чемъ, не спорить! (Про себя).
Надо въ дверь
Мнѣ постучать! (Стучитъ къ Харисію).
Закрыта! Рабъ! Эй, вы, скорѣе!
Ну, отпирай! Рабы! Вамъ говорю иль нѣтъ?

НОВОЕ ЯВЛЕНІЕ.

[*Дверь дома медленно отворяется и на порогѣ ея показывается Онисимъ. Въ немъ не замѣтно прежней растерянности; онъ спокоенъ, важенъ и торжественъ; видно, что буря, которой онъ боялся, не принесла ему ни малѣйшаго вреда и что онъ снова обрѣлъ свою прежнюю самоувѣренность*].

Онисимъ.

Кто это въ дверь стучитъ?—Ахъ, это самъ Смикринъ, 480
Сердитый, жалуетъ за дочерью своею
И за приданымъ!

Смикринъ.

Да, треклятый!

Онисимъ (извительно).

Что-жъ, тому.
Кто деньгамъ счетъ ведетъ и разумомъ богатъ,
Къ лицу и этотъ спѣхъ и... похищенье. Чудно
Сложилось всё, Гераклъ! 485

Смикринъ.

О демоны и боги!

Онисимъ (иронически).

Неужли у боговъ есть время для того,
Чтобъ каждый день имѣть про каждаго въ запасѣ
Добро и зло, Смикринъ?

Смикринъ (недоумѣвающе).

Что хочешь ты сказать?

Онисимъ (наставительно).

Я выясню сейчасъ! Всѣхъ городовъ, примѣрно,
Найдется съ тысячу. А въ каждомъ тысячъ тридцать 490
Живетъ людей. И вотъ приходится богамъ
Губить и миловать всѣхъ безъ остатка...

Смикринъ.

Враки!
Вѣдь выйдетъ, что у нихъ не жизнь, а вѣчный трудъ!

Онисимъ (съ убѣжденіемъ).

Ну, значитъ, не они о насъ пекутся. „Кто же?“
Ты спросишь. — Къ каждому приставленъ правъ его 495
Начальникомъ. Однихъ онъ въ порошокъ стираетъ,
Коль худо съ нимъ они обходятся, другихъ —
Блюдетъ и милуетъ. Нашъ правъ — вотъ кто нашъ богъ!
И счастье и бѣда, — всё отъ него зависитъ,
Его и ублажай, да не дури притомъ, 500
Коль счастья хочется!

Смикринъ.

Правъ и меня толкаетъ
На дурь, подлецъ?

Онисимъ.

Уже толкнулъ!

Смикринъ.

Ахъ, ты, нахалъ!

Онисимъ.

Ты думаешь, Смикринъ, дочь уводить отъ мужа
Куда какъ хорошо?

Смикринъ (передразнивая Онисима).

А кто тебѣ сказалъ,
Что это *хо-ро-шо*? Пойми: такъ нужно было! 505

Онисимъ.

Онъ нужнымъ зло призналъ! Ну, кто иной ведетъ
Къ погибели его, какъ не характеръ дикій!
На этотъ разъ тебя, хоть ты задумалъ зло,
Случайность сберегла, и въ домѣ ты застанешь
Любовь и тишину и прекращенье бѣдъ. 510
Но берегись, Смикринъ, чтобъ не попасться снова
На той же глупости! А на сегодня твой

Отпущенъ грѣхъ. Входи! И поласкай нѣжнѣе...
Внученка!

Смикринъ.

Что? Внученка? Ахъ, ты, подлый рабъ!

Онисимъ.

Считался умникомъ, а вышелъ мѣднолобымъ! 515
Дочь зрѣлую держалъ онъ подъ замкомъ. И вотъ,
О чудо изъ чудесъ! вдругъ появился крошка,
Да пятимѣсячный!

Смикринъ.

Я не пойму!

Онисимъ (указывая на Софрону).

Зато
Старуха поняла, навѣрное! — Мой баринъ
На Тавроноліяхъ — 520

Смикринъ.

Софрона!

Онисимъ.

Оттащилъ
Красотку отъ подругъ...

Смикринъ.

Ты въ толкъ берешь?

Софрона.

Конечно!

Онисимъ.

А нынче онъ... призналъ её, она жъ — его,
И всё наладилось.

Смикринъ (обращаясь къ Софронѣ).

Скажи, въ чемъ дѣло, вѣдьма!

Онисимъ (торжественно).

„Гони природу въ дверь, она влетитъ въ окно!
Удѣлъ жены родить“. 525

Смикринъ.

Дуракъ, да что съ тобою?

Онисимъ (въ прежнемъ тонѣ).

Смикринъ! Я произнесъ изъ „Авги“ два стиха.
Авось теперь поймешь.

Смикринъ.

Вся кровь во мнѣ вскипаетъ
Отъ этой наглости! (Къ Софронѣ).
А ты, ты поняла,
О чемъ онъ говоритъ?

Софрона.

Хоть онъ и судитъ вкривь,
Я знаю хорошо... не бойся... 530

Смикринъ.

Ты пугаешь!

Софрона.

Что счастья большаго и въ мірѣ не найти.

Смикринъ (радостно).

Такъ значитъ правда всё?
И у меня есть внучекъ?

Пьеса обрывается радостнымъ восклицаніемъ Смикрина, который, откинувъ свою прежнюю мрачность и злость, начинаетъ превращаться въ нѣжнаго дѣдушку и, повидимому, готовъ исполнить недавній совѣтъ Онисима, предлагавшаго ему поласкать внучка.

Такимъ образомъ, мы стоимъ почти у самаго конца пьесы. Недостаетъ, по всей вѣроятности, какой-нибудь маленькой заключительной

сценки, которая могла быть выдержана приблизительно въ томъ же духѣ, въ какомъ выдержана соотвѣтствующая сцена въ Περικειρομένη.

Конечно, наступаетъ моментъ общей радости, общаго восторга. Всѣ только что пережитыя треволненія забываются, все темное и скучное отходитъ на задній планъ и недавніе враги, тесть и зять, снова дѣлаются друзьями благодаря ребенку, который изъ бѣднаго найденыша превращается въ желаннаго для всѣхъ продолжателя рода и наслѣдника всѣхъ Смикриновскихъ сокровищъ.

Г. Церетели.
